

УДК 32.019.51

Таджикистанский политический дискурс постсоветского периода. Концепты и идеи

Усмонов Рустам Ахмаджонович

Доктор филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук Центрально-Азиатского филиала
Московского института современного академического образования,
720405, Кыргызская Республика, Баткенская область,
Лейлекский район, п.г.т. Арка, ул. Т. Абдирасилова, 28;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена характеристике того, как осмысливаются понятия «власть» и «политик» в русскоязычном политическом дискурсе постсоветского Таджикистана. Власть концептуализируется в политическом дискурсе Таджикистана в ряде метафорических образов: артефакт, живой организм, личность, структура, строение, корабль. «Политик» в дискурсе Таджикистана – слово с положительной коннотацией: политик – это многосторонний деятель, «стратег, рулевой, мудрый путеводитель»; элита. Возможна концептуализация образа политика, в особенности оппозиционера, как лжеца, манипулятора.

Для цитирования в научных исследованиях

Усмонов Р.А. Таджикистанский политический дискурс постсоветского периода. Концепты и идеи // Культура и цивилизация. – 2014. – № 6. – С. 71-82.

Ключевые слова

Политическая лингвистика, концепт, политический дискурс, постсоветский Таджикистан, концепт «власть», концепт «политик».

Введение

Базовые концепты – важная определяющая черта любого институционального дискурса. Для политического дискурса это концепты «власть», «политик». Генеративную функцию базового концепта в семиотическом пространстве дискурса можно сопоставить с ролью доминанты в развитии лексико-семантической парадигмы. Чем шире информационный потенциал доминанты, тем большими деривационными возможностями она обладает [Сентенберг, 1984].

Рассматривая концепты *власть* и *политик* в русскоязычном варианте таджикистанского политического дискурса, мы можем не обращаться к лексикографии, так как особенности концептуализации данных лексем в русском сознании достаточно хорошо изучены. Для исследования более подходит массив записанных текстов политического дискурса.

Концепт «Власть»

Власть концептуализируется в политическом дискурсе Таджикистана в ряде метафорических образов.

Одним из наиболее распространенных является *власть как артефакт*. Такое употребление зафиксировано в Конституции: «Ни одна общественная организация, группа людей или отдельная личность не вправе **присвоить** государственную **власть**» (ст. 6); «Узурпация **власти** является особо тяжким преступлением» (ст. 6) и ряде выступлений: «**борьба за власть** между политическими силами недемократическими путями» [Алимов, 2008, 10]; «февральские события стали печальной прелюдией к гражданской войне в Таджикистане, генеральной репетицией антиправительственных сил, претендующих на **завоевание власти**» [Алимов, 2008, 17]; «Появились политики от ислама, которые стали **требовать власть**» (Т.Назаров) [Дипломатия Таджикистана, 2006, № 13, 133]; «он явился, **взял** в свои руки **власть** и за короткий срок стал правителем Египта и ряда крупных территорий Ближнего и Среднего Востока, включая нынешнюю Сирию» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №16, 77].

Власть воспринимается как объект завоевания, передачи, узурпации, реже – формирования: «Данный Закон был разработан с целью возрождения традиций национальной государственности таджиков, обеспечения преемственности между государственностью прошлых и будущих поколений, **формирования** президентской **власти** и укрепления национального самосознания» [Дипломатия Таджикистана, 2006, № 16, 42]

Очень распространена также метафора *власть как живой организм*. Это отражено в конституционной формулировке: «Президент Республики Таджикистан является **главой** государства и исполнительной **власти** (Правительства)» (ст. 64), а также в метафорах *ветвей* и *органов* власти, зачастую употребляемых одновременно: «Цель была ясна – насильственное **свержение** законно избранных **органов власти** и установление исламского режима фундаменталистского толка» [Алимов, 2008, 11]; «парламент – специальный **орган** и независимая **ветвь** государственной **власти**» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №14, 43]; «**разделение властей** в качестве здоровой основы деятельности государственных **органов**» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №15, 9]; «Согласно указу главы государства изменена и **структура** центральных **органов власти** в стране» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №17, 37]. Следуя данной метафоре, власть может быть концептуализирована как *больной организм*, нуждающийся в лечении: «были **парализованы ветви власти**» [Рахмонов, 2004, т. 4, 113]; «Благодаря миру и стабильности мы получили возможность восстановить парализованные **органы** и **структуры** государственной **власти** в центре и на местах» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №16, 14]; «Постепенное **укрепление органов** государственной **власти**» [Дипломатия Таджикистана, 2006/15; 101].

Важнейшим направлением концептуализации является метонимическое олицетворение *власть как личность*.

Власть может *потерять авторитет*: «Коррупционные деяния некоторых работников органов государственного управления ведут к падению **авторитета** государственной **власти** и ее исполнительных органов среди населения» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №13, 27]; «недостойное поведение и поступки некоторых дискредитирует **авторитет** судебной **власти**» [Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2008, 2010, 174].

Она может быть *обвиняема*: «Столь активное использование истории политическими элитами Таджикистана вызывает раздражение со стороны национально ориентированной части интеллектуалов в соседнем Узбекистане, которые склонны **обвинять** таджикские **власти**...» (М.Кирчанов) [«Мы должны знать...», 2009, 7], а также ее могут *взять за горло*: «Сегодня ректоры ряда университетов и училищ буквально берут за горло местные и центральные власти, требуя денег для обеспечения продолжения деятельности их учебных заведений» [Рахмонов, 2004, т. 2, 64].

Власть может что-то *давать*: «У нас сложился оптимальный баланс: партия знает, что **власть может** ей **дать** и что **власть не намерена** **дать** что-то большее» (Т.Назаров) [Дипломатия Таджикистана, 2006, №13, 134].

Власти могут общаться между собой: «Встреча проводилась в рамках поддерживаемого ОБСЕ проекта, целью которого является развитие **диалога** между **властями** и гражданским обществом» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №17, 33]; а также с *отдельными политиками*: «М.Мирали **призвал** Правительство и местные **власти** Таджикистана оказать необходимую Организации поддержку в процессе завершения в указанные сроки упомянутых объектов» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №17, 109]. Она может ассоциироваться с отдельным политиком и быть при этом *сильной* или *слабой*: «Я уехал в 1996 году в заграничную командировку из одной страны, вернулся через десять лет в другую страну, где создана прочная структура и **сильная** президентская **власть**, царит стабильность и высокими темпами развивается экономика» (Х.Зарифи) [Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2007, 2010, 311].

Достаточно распространена и концептуальная метафора *власть-структура*. Она, как любая структура, имеет разделение, что зафиксировано в Конституции: «Государственная **власть** основывается на принципе ее **разделения** на законодательную, исполнительную и судебную» (ст. 9).

Она имеет, таким образом, *структуры*: «**властные структуры** на местах деморализованы» [Алимов, 2008, 16]; «XVI сессия **восстановила** конституционные **структуры власти** в стране, сформировала правительство» [Дипломатия Таджикистана, 1994, www]; а также *звенья* и *институты*: «создать такой порядок, при котором в любом **звене власти** станут невозможны нару-

шения закона» [Рахмонов, 2004, т. 2, 114]; «Следует особо подчеркнуть, что независимо от изменения во-енно-политической ситуации в Афганистане – падение режима талибов, активизации деятельности антитеррористической коалиции, про-ведении существенных мероприятий в ИГА по установлению и легитимации важнейших **институтов** государственной **власти**, формировании и упрочении политической системы общества – ситуация на афгано-таджикской границе не претерпела элементарного позитивного изменения» (С.С. Ятимов) [Дипломатия Таджикистана, 2005, 110].

Не слишком частой, однако важной, является отождествление власти со *строением*: «Обстановка в Душанбе, особенно в апреле 1992 г., ещё более обострилась, и **основы государственной власти были расшатаны** <...> XVI (историческая, судьбоносная) сессия Верховного Совета, прошедшая в ноябре 1992 г. в Арбобе, пригороде древнего Худжанда, **заложила основу** законного правительства и государственной **власти** в Таджикистане» [Алимов, 2008, 3]; «**Восстановление** конституционной **власти** и радикальные изменения, внесенные в жизнь общества нашей страны» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №14, 42].

Набирает актуальность советская по происхождения метафора *власть-корабль*: ««Многие государства подчинились персам, прежде всего те, где у **власти стояла** аристократия» [Дипломатия Таджикистана, 2007, 205]»; «Национальный интерес <...> обслуживает внутренние, материальные и духовные потребности общества, государства, политической **партии**, находящейся у **руля власти**» (С.Ятимов) [Дипломатия Таджикистана, 2006, №17, 142]. Важно напомнить, что «Современная таджикская ораторика должностных лиц опирается на символику советского времени и 90-х годов XX века» [Усмонов, 2014, 79]. Интересно отметить, что сам Эмомали Рахмон в 1997 году заявлял: «Нам не нужна власть никакой единственной партии» [Рахмонов, 2004, т. 2, 92]. Таким образом, данная метафора работает как оправдание однопартийной политики (с архетипическим лозунгом «Партия – наш рулевой»).

Менее продуктивной является закрепленная в Конституции метафора *власть – поток*: «В Таджикистане народ является носителем суверенитета и единственным **источником** государственной **власти**, которую осуществляет

непосредственно, а также через своих представителей» (Конституция, ст. 6); «Он подчеркнул, что в Таджикистане народ является единственным **источником** государственной **власти**, и ни одна партия, ни одно общественное или религиозное объединение, движение или группа не могут объявлять свои идеи в качестве государственной идеологии» [Дипломатия Таджикистана, 2006, №15, 57].

Концепт «политик»

Исследование концептуализации лексемы «политик» в дискурсе Таджикистана дает возможность оценить самосознание таджикской политической элиты.

Как правило, политик (в приложении по большей части к правящей власти и ее архетипическим прототипам) – слово с положительной коннотацией.

Так, плодотворна метафора политик – это *многосторонний деятель*. В цитатах политическая деятельность рассматривается наряду с другими занятиями человека: «Будучи дальновидным **государственным деятелем**, выдающимся **политиком** и талантливym ученым, Бободжон Гафуров, благодаря знаниям и исключительной мудрости и высоким организаторским навыкам сыграл уникальную роль в построении новой жизни и развитии различных отраслей экономики и социальной сферы Таджикистана» [«Мы должны знать...», 2009, 37]; «Если вкратце резюмировать славный **путь**, пройденный выдающимся ученым и **политиком**, можно сказать, что он поистине был **государственным деятелем** с академическим кругозором и академиком с **государственным мышлением**» [там же, 42]; «... с древнейших времен до наших дней вопросам морали уделяют внимание и **политики**, и ученые, которые вносят заметный вклад в ее развитие. К числу этих выдающихся личностей относится и Великий Имам» [там же, 68]. Можно сделать вывод, что современная политическая элита Таджикистана видит образ политика как своего рода человека ренессансного, являющегося одновременно и ученым, и культурным деятелем.

С точки зрения деятельности политик рассматривается как *стратег, рулевой, мудрый путеводитель*: «У **«руля»** таджикской историографии перио-

да независимости **стоит** её Президент Эмомали Рахмонов» [Алимов, 2008, 5]; «История доказывает – **политики**, которые хотят произвести в своей стране **всеобъемлющие реформы**, должны перед тем, как приступить к осуществлению своей стратегической программы, найти **соратников и сподвижников**» [Рахмонов, 2004, т. 2, 191]; «Он <Исмоил Сомони>, выйдя на политическую сцену в семидесятые годы IX века в очень юном возрасте, за короткий срок усвоил науку правления государством и подданными, стал **зрелым политиком** и **положил конец конфликтам и распрям** в стране, предпринял меры по обеспечению внутренней и внешней безопасности страны» [там же, т. 3, 127].

Основная задача политика – поиск *компромисса*: «Видимо, **задача политиков** в наше переходное время состоит как раз в том, чтобы **найти разумный компромисс** между необходимостью реальных перемен и бережным отношением к чувствам и убеждениям людей, чьим трудом создано все, что мы сегодня имеем» [там же, т. 1, 29].

Позиционируется принадлежность политика к *народу* и *родной земле*: «**Политик**, который считает самыми святыми интересы народа и родины, прежде всего, опирается на свой **народ** и живет его интересами» [там же, т. 3, 156]; «...каждое обращение недальновидного, не добившегося своей цели **политика** к международным организациям, **зарубежным государствам** не только вводит в заблуждение мировую общественность относительно реальной обстановки в стране, но может повредить осуществлению различных программ экономического сотрудничества, поступлению в республику инвестиций» [там же, 156].

В то же время система со- и противопоставлений политика показывает насущность метафоры *политик – это элита*. На одном уровне в предложениях оказываются *политики и руководители*: «**Руководители и политики** различных стран мира, дав высокую оценку Договору об общественном согласии в Таджикистане, расценили его как серьезный шаг на пути достижения мира и спокойствия в Таджикистане» [там же, т. 2, 58].

В то же время *политики и народ* оказываются противопоставлены: «Наряду с более чем 700 гостями Форума, в нем принимают участие **не только видные политики**, общественные деятели, ученые и предприниматели, **но и**

простые люди» [там же, 28]; «Мы узнаем о деятельности **политиков**, жизни **простого народа** в различные времена именно благодаря трудам писателей и историков» [там же, 127].

Можно сказать, что здесь концептуализация выявляет скрытую интенцию: осмысление политика не как части народа, но как противопоставленной ему элиты.

Однако, существует и пласт негативной концептуализации лексемы. Это относится, прежде всего, к не одобряемым политически курсам.

Политики могут быть представлены просто как *недальновидные* или *незнающие* люди: «Некоторые **политики**, даже **на самом высоком уровне** иногда спрашивают: «А в Таджикистане показывают российские телеканалы?» [там же, т. 3, 345]; «до некоторых **политиков** наконец-то **стало доходить**, что на таджикско-афганской границе не зря стоят российские пограничники, что они защищают не только Россию и нашу страну» [там же, 346]; «К сожалению, многие **политики** ещё **недооценивают** серьёзность угрозы распространения наркотиков и международного терроризма, исходящей из Афганистана» [там же, т. 4, 27].

Также возможна концептуализация образа политика как *лжеца*, *манипулятора*: «Но соседство этих двух народов определено **богом**, **а не** каким-нибудь **политиком**, и никому не удастся нарушить нашу дружбу» [там же, т. 2, 72]; «Я также призываю их не поддаваться на провокации внутренних и внешних врагов таджикской нации и не становиться марионетками в руках некоторых **продажных политиков**» [там же, 170]; «Эти и другие факторы дают некоторым политикам повод утверждать о **якобы** “тихом закате СНГ”» [там же, т. 3, 291].

Образ оппозиции, как указано выше, подвергается дисфемизации; в этом случае употребляются даже инвективы *шулеры*, *авантюристы*, *политиканы*: «**Шулеры от политики** решили прощупать **власть предержавших** на предмет слабины» [Алимов, 2008, 16]; «**лидеры** «руководящей и направляющей силы общества» **выродились**» [там же]; «Дружба этих двух народов, выдержавшая испытание веками, не может быть разрушена интригами различных **авантюристов и политиканов**» [Рахмонов, 2004, т. 2, 273]; «Если мы, дети

многонационального Таджикистана, не испугаемся трудностей, не попадем в ловушки интриг и обмана недалководных **политиканов**, не допустим в свои сердца ненависть и злобу, будем считать судьбу Родины своей судьбой, тогда мы укрепим основы цивилизованного государства, обеспечим спокойную и счастливую жизнь своим детям и будущим поколениям» [там же, т. 3, 92]; «В последнее время некоторые **политиканы** проводят, не скупясь на затраты, помпезные торжества, в том числе – свадьбы и дни рождения» [там же, 96].

Заклучение

Образ политика не очень активно позиционируется в дискурсе современного официального Таджикистана, очевидно, в силу существующей мощной вертикали власти. Власть осознается не как механизм передачи полномочий от народа к его представителям, но скорее как механизм управления страной, и при этом закономерно, что фигура управляющего наделяется по умолчанию широкими полномочиями, авторитетом. Политик же осмысливается как управляющий, многосторонний деятель, в то же время противопоставленный народу как элита.

Библиография

1. Алимов Б.Х. Социально-экономические и политические процессы в Республике Таджикистан: дисс. ... канд. ист. наук. Худжанд, 2008.
2. Дипломатия Таджикистана. – 2005. – №12. – 170 с.
3. Дипломатия Таджикистана. – 2006. – №13. – 212 с.
4. Дипломатия Таджикистана. – 2006. – №14 (спецвыпуск). – 96 с.
5. Дипломатия Таджикистана. – 2006. – №15. – 184 с.
6. Дипломатия Таджикистана. – 2006. – №16. – 168 с.
7. Дипломатия Таджикистана. – 2006. – №17. – 180 с.
8. Дипломатия Таджикистана. – 2007. – №18. – 242 с.
9. Дипломатия Таджикистана. – Душанбе, 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.tj/mid/documents/Diplomatiya_Tajikistana.pdf

10. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2007. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 324 с.
11. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2008. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 270 с.
12. «Мы должны знать наследие предков»: ориентиры нации и Уммы в политическом языке современного Таджикистана. – Воронеж, 2009. – 105 с.
13. Рахмонов Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации: в 4-х тт. Душанбе: Ирфон, 2004.
14. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола. – М.: МГПИ, 1984. – 96 с.
15. Усмонов Р.А. Таджикистан: история языковой независимости // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2014. – № 5. – С. 74-90.

Tajik political discourse of post-Soviet period. Concepts and ideas

Rustam A. Usmonov

Full doctor of Philology,
associate professor of Humanities department of the Central Asian branch
of the Moscow institute of contemporary academic education,
720405, 28 Abdirasilova str., Arka,
Leilekskii raion, Batkenskaya oblast', Kyrgyzskaya Republic;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Abstract

Article is devoted to the characterization of concepts of "*vlast*" (power) and "*politik*" (politician) in the Russian-speaking political discourse of post-Soviet Tajikistan. "*Vlast*" (power) is conceptualized in a number of metaphors. One of the most common is the "power as an artifact": the object of conquest, transmission, usurpation, formation. The metaphor "power as a living organism" is

quite common. The important direction of conceptualization is metonymic personification of "power as a person": power can "lose credibility", may "be accused of", or "give" something, "communicate". Conceptual metaphor "power structure" is quite common. More rarely power is identified as a "structure" or "ship", a metaphor of Soviet origin. "*Politik*" (politician) has a positive connotation in Tajikistan discourse. Metaphor "politician is a versatile actor" is fruitful; politician may be seen as a "strategist, helmsman, a wise guide". At the same time, the politician is the elite, opposed to the people. Conceptualization of opposition politicians as "liar, manipulator" is possible.

For citation

Usmonov R.A. (2014) Tadjikistanskii politicheskii diskurs postsovetskogo perioda. Kontsepty i idei [Tajik political discourse of post-Soviet period. Concepts and ideas]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6, pp. 71-82.

Keywords

Political linguistics, concept, political discourse, the post-Soviet Tajikistan, the concept of "*vlast*" (power), the concept of "*politik*" (politician).

References

1. Alimov B.Kh. (2008) *Sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie protsessy v Respublike Tadjikistan. Doct. Diss.* [Socio-economic and political processes in the Republic of Tajikistan. Doct. Diss.]. Khujand.
2. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (1994). Dushanbe. Available at: http://www.mfa.tj/mid/documents/Diplomatiya_Tadjikistana.pdf [Accessed 18/10/14].
3. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2005), 12.
4. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2006), 13.
5. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2006), 14 (special issue).
6. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2006), 15.
7. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2006), 16.
8. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2006), 17.
9. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2007), 18.

10. *Diplomatiya Tadjikistana. Ezhegodnik-2007* [Diplomacy of Tajikistan. Yearbook 2007] (2010). Dushanbe: Irfon.
11. *Diplomatiya Tadjikistana. Ezhegodnik-2008* [Diplomacy of Tajikistan. Yearbook 2008] (2010). Dushanbe: Irfon.
12. "*My dolzhny znat' nasledie predkov*": *orientiry natsii i Ummy v politicheskom yazyke sovremennogo Tadjikistana* ["We need to know the heritage of our ancestors": references of the nation and the Ummah in the political language of modern Tajikistan] (2009). Voronezh.
13. Rakhmonov E. (2004) *Nezavisimost' Tadjikistana i vozrozhdenie natsii* [Tajikistan's independence and the rebirth of the nation]. In 4 vols. Dushanbe: Irfon.
14. Sentenberg I.V. (1984) *Leksicheskaya semantika angliiskogo glagola* [Lexical semantics of the English verb]. Moscow: MGPI.
15. Usmonov R.A. (2014) *Tadjikistan: istoriya yazykovoï nezavisimosti* [Tajikistan: the history of language independence]. "*Belye pyatna*" *rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 5, pp. 74-90.